

АРХЕОЛОГИЯ ХРАМА XVI в. В НИКОЛО-УГРЕШСКОМ МОНАСТЫРЕ (работы 2004 г.)

© 2023 г. **М. В. Фролов**¹, Л. А. Беляев^{1,*}, Г. С. Евдокимов^{2,**}, С. З. Чернов^{1,***}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Центральные научно-реставрационные проектные мастерские, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: gsevdokimov5@gmail.com

***E-mail: chernovsz@mail.ru

Поступила в редакцию 29.06.2022 г.

После доработки 29.06.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

Статья посвящена публикации материалов раскопок одного из утраченных в 1930–1940-х годах каменных храмов в окрестностях Москвы, в монастыре святого Николая “на Угреше”. В 2004 г. были расчищены остатки кладок его подклета, в которых содержалось большое количество *spolia* от ранее существовавшего храма XV–первой половины XVI в. Изучена часть монастырского кладбища XIV–XV вв., установлена стратиграфия участка. Публикуются полный план и разрезы здания, а также все найденные детали из известняка. Статья сопровождает исследование А.Л. Баталова в этом же номере, посвященное истории храма по письменным и изобразительным источникам.

Ключевые слова: Московское царство, история русской архитектуры, монастырская археология.

DOI: 10.31857/S0869606323010099, **EDN:** MBUMGB

История раннего строительства в Николо-Угрешском монастыре чрезвычайно плохо освещена источниками, сложна, изобилует лакунами и не позволяет уверенно восстановить последовательность строительства в XIV–XVI вв. (последняя сводка: Усачев, 2022; обзор источников см. Баталов, 2023). Древнейший из сохранившихся в XX в. памятников монастыря, его “старый” Никольский собор, разобран в 1930-е годы без фиксации. Как *terminus post quem* для даты его постройки используют обычно летописное известие о пожаре 1521 г., когда при набеge Махмет-Гирея “на Угреше монастырь ожгли” (Повесть временных лет, 1978. С. 14); существует несколько вариантов построения топо-хронологии (см. Чернов и др., 2008. С. 189–195), но все они гипотетические.

О существовании остатков собора знали, его остатки локализовали в 1979 г. (“...удалось разведочно расчистить небольшой участок остатков Никольского собора ... храм был белокаменным, очень архаичной кладки, что укрепило предположение о возможности датировать его постройку 1380–1381 годами” – Тудоси, 1980. С. 95), но серьезные работ не проводили до 2004 г. Тогда возникла возможность изучить руины, но сделанные при этом наблюдения опубликовали только частично (см. Фролов и др., 2005; Чернов и др., 2008). Цель нашей статьи – подробно предста-

вить результаты исследований архитектурных остатков. Потребность в этом возросла в связи с начатым общим пересмотром хронологии русского строительства XIV–XVII вв. (см., например: Беляев, Елкина, 2015; Баталов, 2019, 2020, 2021, 2022; Беляев, 2021а, б).

Остатки разобранного собора были вскрыты в апреле-мае 2004 г.: власти монастыря решили воссоздать храм, и строители, копая котлован, обнажили основания абсид. Последовало предписание Министерства культуры Московской области (10.06.2004) остановить работы, но они продолжились. По контуру вырыли траншеей шириной 1.5 и глубиной 2 м, затронув прилегающий некрополь. Поперек храма (в западной половине) пробили траншеей шириной 1.3 м, частично разобрав северную стену. Из котлована подъемным краном вынули около 150 камней. С северной, восточной и южной стен строители сняли по два ряда камней; абсидная часть пострадала меньше. Разрушение удалось остановить только 14.07.2004 г. комиссии Отдела полевых исследований ИА РАН (Н.А. Кренке, С.З. Чернов, А.В. Энговатова) и Министерства культуры Московской области во главе с министром (Г.К. Ратникова), начальником Управления по охране объектов культурного наследия (С.А. Анохина) и при участии эксперта Государственной Думы РФ (О.А. Мурашко). На-

Рис. 1. Раскопки на месте “старого собора”. Рабочий момент. Вид с юга.

Fig. 1. Excavations at the site of the “old cathedral”. Work process. View from the south

чались археологические работы, 16.07–15.08 (рис. 1). Затем строительство продолжили, но при разборках теперь присутствовали археологи.

На площадке работал М.В. Фролов (Открытый лист № 973) с группой практикантов-архитекторов; общее руководство работами осуществлял С.З. Чернов; как консультанты привлекались А.Л. Баталов, Л.А. Беляев, А.В. Гращенков, Г.С. Евдокимов (последний составил ведомость профилированных белокаменных блоков и, при участии Л.А. Шитовой, общее экспертное заключение). В результате раскрыты полностью остатки кладок, а при наблюдениях за строительными работами удалось отобрать дополнительно ряд белокаменных деталей, существенно пополнив их число. Задача исследования сводилась к детальной стратификации и фиксации фундаментов, а также анализу остатков слоя и приведенных в порядок профилей котлована. Площадь разбитой обмерной сетки при этом составила 200 м², общая площадь в границах котлована — 410 м². Площадь кладок самого подклета — около 268 м².

Храм располагался рядом (5–10 м) с Преображенским собором (1880–1894 гг.), к северу от него, и в 35 м к западу от Никольской часовни, в центре старой территории монастыря (135 × 130 м), которая охватывает мыс первой террасы р. Моск-

вы при впадении в нее запруженного ручья. Как выяснилось, кладки представляли нижнюю часть стен подклета, изначально заглубленного в материк до отметок –200/–210 см. На 50 см ниже современной поверхности частично сохранилась известковая прослойка от строительных работ по возведению храма.

На месте подклета и вблизи него следы более раннего сооружения не обнаружены; допустимо думать, что он заложен *de novo*. Ему должен был, однако, предшествовать деревянный храм или часовня, поскольку каменный храм строился на ранее возникшем кладбище (см. ниже), которое сохранилось и развивалось после возведения нового собора.

Подклет имеет три полукруглые апсиды и четыре столпа. Общая ширина — 9.2 (на востоке) и 9.1 м (на западе). Внутренние размеры нефов: южного 12.8 × 1.6 м, центрального 13.3 (с апсидой) × 2.3 м, северного 13.2 × 1.5 м; ширина западного нефа — 25 м; ширина абсид изнутри: 1.5; 2.2; 1.6 м. Столбы квадратные, в основании из булыжника — 2.4 × 2.4, в белокаменной части — 1.9 × 1.9 м (рис. 2–4).

Сохранность и тип кладок подклета. Уровень сохранности кладок не достигал древней поверхности. Снаружи не осталось ни одного лицевого

Рис. 2. Общий вид сверху, с барабана Преображенского собора.

Fig. 2. General view from above, from the drum of the Transfiguration Cathedral

ряда. Ширина стен очень значительна, от 2.4 до 3.6 м. Самая широкая — западная, до 3.6 м; почти равны восточная (2.9 м) и северная (2.8 м); южная стена на 0.5 м уже северной, она самая тонкая — 2.3–2.4 м. Лучше других, на высоту около 1.6 м (до 5 рядов), сохранились восточная (апсидная) и северная стены (отметка сохранности северо-восточного угла и северной апсиды —31/–41, центральной апсиды —50/–90, южной —60/–130). Северная стена разрушена строителями частично (участок длиной 3.6 м против западной пары подкупольных столбов, в 10.3 м от северо-восточного угла). В целом отметки понижаются к западу (от —42 до —76), но внешняя линия кладки в западной части стены также разрушена (не выше —137). Выломана и значительная часть южной стены (верхние отметки юго-восточного угла подклета —58/–65, но сохранность южной апсиды не выше —142/–144, а далее к западу она понижается до —175/–191 и, на юго-западном углу до —188/–195 — все это результаты варварской разборки). Линия западной стены сохранилась до отметок —150/–165 (возможно, со стороны фасада ее расширили в 1840-е годы). У северо-западного угла к подклету примыкает фундамент трапезной середины XIX в., шириной 2.1 м, из крупных камней на рыхлом, белом известковом растворе; южный участок сте-

ны трапезной был разобран до появления археологов.

Внутри подклета камни лицевого ряда стен (на отметках от —95 до —190) у большей части периметра сохранились. Она из белого камня (известняка), неровная, но довольно аккуратная: камни бутовых рядов выложены в прикладку к грунтовыми стенкам котлована, в интерьер же лицевая поверхность стен и столбов выведена из тщательно, гладко тесаных блоков, которые хорошо подогнаны (размеры камней: 20 × 25, 25 × 30, 35 × 40 см), в то время как другие их грани только грубо отесаны. Все это традиционные приемы. Забутовка из разнообразных, более или менее протесанных или грубо обколотых блоков; обнаружены и небольшие фрагменты кирпича. Ранний камень отличает не только характер тески, но и желтоватый оттенок.

Нижний ряд белокаменных блоков подстилает тонкая лента известкового раствора, а под ней лежит бутовый неглубокий фундамент (отметка подошвы около —210). Он сложен непосредственно по оголовкам свай, из обломков и бута известняка, в значительной степени из белокаменных блоков вторичного использования, не всегда хорошо пролитых раствором. Но в нем есть булыжник и небольшие (20–30 см) валуны. Сваи бревенчатые

Рис. 3. Раскопанный подклет. *А* — восточная часть; *Б* — юго-восточный угол; *В* — западная часть; *Г* — юго-западный угол.
Fig. 3. Excavated basement (*podklet*)

Рис. 3. Окончание.
Fig. 3. End

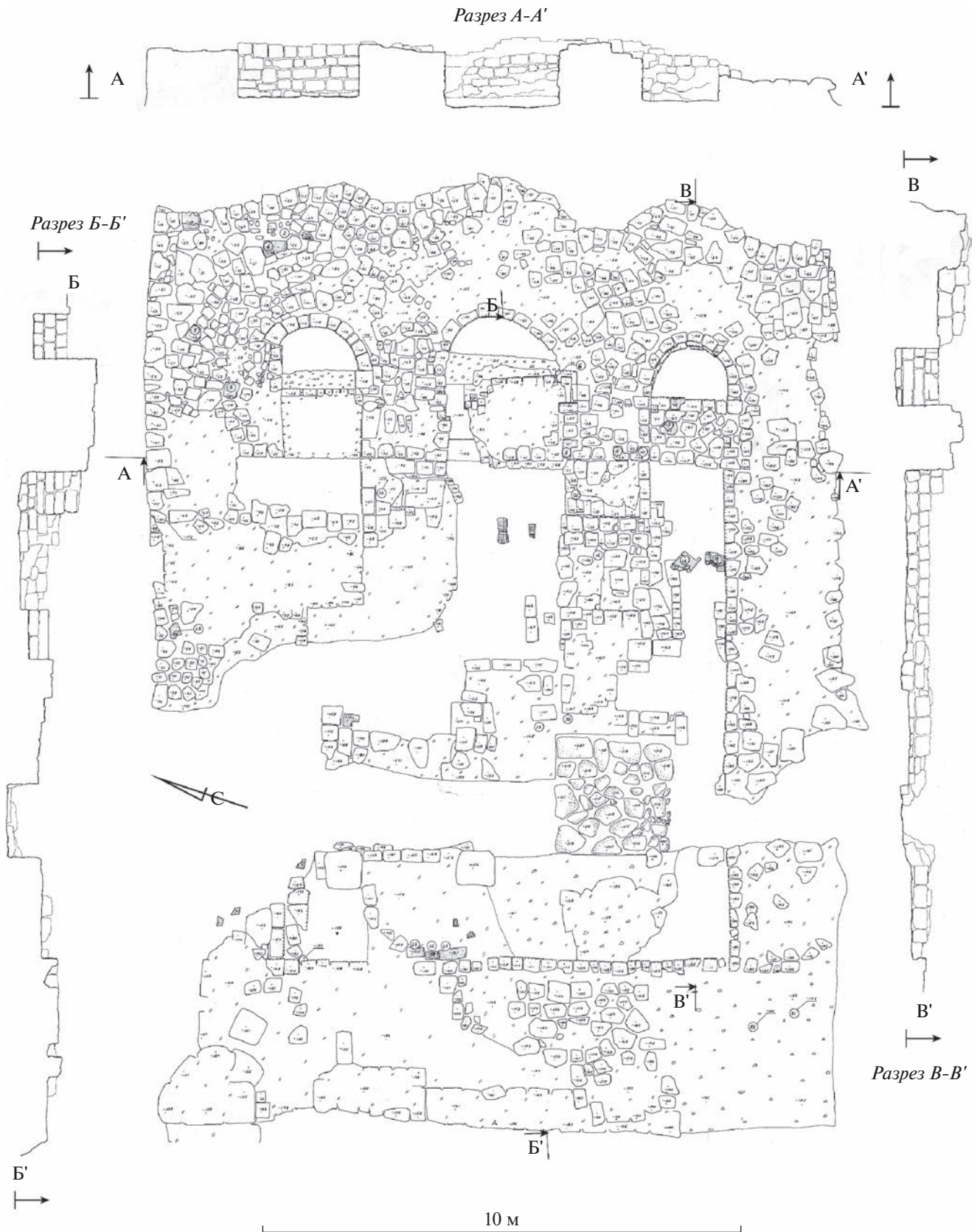

Рис. 4. План и профили.

Fig. 4. Plan and profiles

дубовые (ясеневые?), они хорошо сохранились ниже подошвы фундамента, в болотистом обводненном грунте (в проломах стен северной части западной стены). Бревна средней толщины (диаметр 15–25 см, при диаметре более 35 см их раскалывали вдоль), длиной от 0.7/1.0 до 1.5 м, затесаны к концу на четыре грани. Под фундаментом западной стены, с северной стороны, обнаружены также подошвенные деревянные лаги.

Порядовка соблюдена на всю толщину массива стены. Хорошо видно, как котлован постепенно заполняли камнем в прикладку к его стенкам. При этом со стенок сыпались и смывались частицы грунта, попадая в горизонтальные растворные швы у краев котлована. Раствор, на котором велась кладка подклета, имеет отчетливо выраженный сероватый оттенок и визуально одинаков во всех коренных частях.

Начиная от подошвы фундамента, в забутовке повсеместно встречались небольшие (1–3, иногда до 15–20 см²) фрагменты фресок, часто обгорелые или закопченные. Покрывала эта грунтовка каменные или кирпичные стены, понять не удалось. Фрагменты попадают в растворных швах бута уже с подошвы фундамента. Кроме того, в забутовке коренных стен подклета массово фиксируются гладко отесанные блоки и архитектурные детали. Часть камня, уложенного в забутовку, также имеет хорошо видимые следы пожара, причем преимущественно на гранях, которые в прошлом были лицевыми. Следы пожара на вторично использованных блоках и кирпиче, как и наличие в фундаменте фрагментов фресок, на которых также есть следы огня, ясно показывают, что в монастыре до постройки подклета имелось каменное здание (здания?), разрушенное при пожаре, возможно, в 1521 г.

Некоторые детали сохранили растворные швы предшествующей кладки, они резко отличаются по цвету и составу: их раствор однородный, белого или слегка кремового оттенка, с речным песком в качестве наполнителя. Визуально невозможно определить, весь ли раствор на вторично использованных деталях одинаков, но резкое отличие “белого” раствора на вторично использованных деталях от “серого”, примененного в кладке подклета, совершенно очевидно.

Фрагменты кирпича вторичного использования имеют растворные швы светло-кремового оттенка и средний размер 115–125 × 58–65 мм (пример 10 экз. из 15 обнаруженных). Такой размер кирпича характерен для московского строительства 1480-х годов. Некоторые кирпичи сохранили на лицевых поверхностях обмазку со следами копоти, но фресковый грунт на кирпиче не обнаружен. Найдено также два фрагмента “русского” плинфообразного кирпича (47 × 153–155 и 53 × 160 мм).

Закладки и забутовки. Подкупольные столбы. Подклет неоднократно перестраивали, вероятно, с целью укрепить все сооружение (такие случаи известны уже в XVI в., например в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря, XVI в. — см. Беляев и др., 2020). Пространство продольного южного нефа отделили простенками от центрального, соединив апсидную часть с юго-восточным подкупольным столбом, а юго-восточный столб — с юго-западным и заполнив пространство между ними и внешними стенами каменным бутом и кирпичным щебнем на глине. М.В. Фролов отнес эти изменения к середине—второй половине XVII в. По мнению, высказанному Г.С. Евдокимовым, это произошло во время ремонта 1840-х годов или во второй половине XIX в., когда разобрали своды подклета, превратив его затем в глухой стилобат. Однако архивные изыскания (см. Баталов, 2023) не подтверждают ни факта полной разборки подклета в 1840-х годах, ни заполнения его полностью каменной кладкой.

Закладки, отделяющие апсидные полукружия, возможно, близки стадии строительства, но они не перевязаны со стенами и столбами, их блоки крупнее стеновых и обработаны грубее, уложены на белом (а не сером) известковом растворе. Они, вероятно, отмечали линию восточной стены четверика, что часто встречается. Северную апсиду отделяет кладка, сохранившая пять рядов в высоту; одновременно с ее возведением переложили и расширили на 10–15 см верхнюю часть северной стены апсиды. Поверх белого камня на таком же растворе уложили два выравнивающих ряда кирпича (29.5 × 15 × 8 см). Верхняя отметка этих рядов — 46/–54, ширина закладки — 1.5 м. Пространство между закладкой и закругленной восточной стенкой апсиды до отметки –108 забутовали кирпичным боем и мелкой галькой на известковом растворе, образовав род ящика.

Подобным образом перегорожена и центральная апсида, но кладка здесь еще грубее. В нижней части (до уровня –75/–80), это каменный бут и рваный белый камень, чередующийся с кирпичным боем; выше лежат ряд тесаного белого камня и ряд кирпича (тех же размеров; верх закладки на отметке –37/–38, ширина до 1.9 м). Простенок между центральной и северной апсидами также перекладывали, во всяком случае, в верхней части.

Закладка южной апсиды аналогична закладке северной: на кирпично-галечный бут уложено 4–5 рядов тесаного белого камня на известковом растворе (верхняя отметка сохранности –64/–66); от кирпичной кладки осталась только половинка кирпича (отметка –55). Ширина закладки — 1.4 м.

Чтобы выявить фрагменты первоначальной кладки, а также изучить выходившие на поверхность забутовки *сполии*, потребовалось разобрать

часть забутовки продольных нефов. Южный неф расчистили целиком, получив внутренний абрис южной стены. При этом в нижней части закладки южной апсиды (с западной стороны, на стыке углистого гумусированного грунта и прослойки извести, подстилающей закладку, отметка —180) была найдена монета царя Михаила Федоровича, что дало *terminus post quem* для перестроек подклета — не ранее 1613 г. Но эти забутовки относятся скорее к более позднему времени.

Центральный неф расчистили частично, на 4 м к западу от закладки абсиды. Северный неф не расчищался: его восточная половина осталась занятой мощными закладками и забутовками. Не разобраны также часть забутовки центрального нефа возле юго-западного столба и обширное поле западного нефа к западу от столбов.

Юго-восточный столб (размеры 1.8×1.8 м) строители разбирали до начала раскопок, остановившись на отметках —111/—184. Его поверхность выглядела как негатив в обрамлении более высоких поздних простенков (их отметки к востоку и западу от столба выше: —78/—104 и —139/—154 соответственно). Блоки камня в обоих простенках хорошо отесаны со стороны примыкания к столбу; раствор разновременных кладок отличается по цвету. Остатки северо-восточного столба (длина стороны около 1.9 м) разобраны до подошвы (отметка —199), и лишь в месте примыкания к нему с востока простенка между центральным и северным нефами сохранились несколько камней (отметки —63; —169).

Западная пара столбов оказалась на линии траншеи, пробитой поперек храма. Северо-западный столб уничтожен полностью (возможно, до строительства). От юго-западного столба осталось булыжное основание (2.4×2.4 м). Оно сложено на глине (булыжник диаметром 20–70 см) и пролито по верху сероватым известковым раствором (отметки —207/—221, отметка подошвы не определена — столб частично скрыт поздними забутовками).

Наблюдались и другие следы ремонтов XVII–XVIII (?) вв. Но когда образовалась сплошная забутовка подклета камнем, и какую цель она преследовала, остается неясным. Вполне вероятно, что это закладка произошла после 1887 г., когда полуподвал был в последний раз упомянут в документах (Баталов, 2022).

В забутовках, как уже сказано, найдено много вторично использованных изделий из известняка. В северо-западной части — намогильная плита без надписи. Камень чуть выступает над уровнем закладки, положен изголовьем к востоку, на мелкий бут и глину; признаков могильной ямы нет. Плита разбита на три части, два угла отколоты. Размеры — 112×42 – 44×11.5 см. Орнамент комбинированный: рамка и верхнее клеймо резаны

трехрядным жгутом, тяги — трехгранно-выемчатой лентой; нижнее клеймо — розетка с таким же заполнением. Вероятная дата — последняя треть XVI — первая треть XVII в. В закладку она попала, вероятно, намного позже.

Сполии. Важно подчеркнуть, что блоки известняка вторичного использования (рис. 5–7) широко применены не только в ремонтных кладках, но и в первоначальной, причем их можно уверенно разделить на две группы: из коренной кладки подклета и ремонтных надбуток. Обилие этих деталей в кладке 1840-х годов затрудняет атрибуцию, так как заставляет думать, что в нее попали камни и от каких-то еще монастырских построек. Известную привязку дает, как уже сказано, раствор: на блоках коренной кладки подклета он сероватого оттенка. По-видимому, стены подклета переложили на значительную глубину (в 1840-х годах?), особенно северо-западную часть здания: большую часть северной стены со стороны интерьера; часть западной стены с фасада, в месте примыкания построенной в 1840-е годы трапезной; своды подклета и, видимо, порталы.

Собраны десятки профилированных деталей: в стенах и забутовках их более полусотни (51), в отвале строительных работ — еще 14 (учтены отдельно, с добавлением литеры “с”). Шесть белокаменных резных блоков, наиболее ценных для атрибуции и датировки памятника, были в августе 2004 г. переданы на хранение в музей-заповедник “Коломенское” (ныне МГОМЗ: три капители, № 41, 42, 45; две бусины портала, № 44 и 46) и городчатый блок № 48). Остальные тесаные и резные камни были оставлены в Николо-Угрешском монастыре, в подклете Преображенского собора. Больше деталей собрано в тех кладках, которые сохранились лучше: в северо-восточной части основной кладки, в простенках между апсидами и в закладках апсид.

Вероятно, в забутовках (1840-х годов?) собраны сполы как существовавшего еще собора, так и другой постройки (построек?). Это ясно показывает уже различие состава связующих. Раствор подклета — серого цвета, в нем огромное количество боя фресок (возможно, это искусственный наполнитель, тощая добавка); отмечен также бой кирпича: полтора десятка фрагментов со средними размерами 11.5 – 12.5×5.8 – 6.5 см и два — от плинфообразного, 4.7×15.3 – 15.5 и 5.3×16 см. Раствор другого типа сохранился в виде кусков, использованных наряду с камнями, а также в связке с блоками ранее разобранного сооружения. Это раствор белого или светло-кремового цвета, без керамических добавок, однородный; как наполнитель применен речной песок. Поверхность многих камней из стен подклета и закладок апсид выветрена и патинирована; лицевые (в прошлом) грани ряда блоков сильно

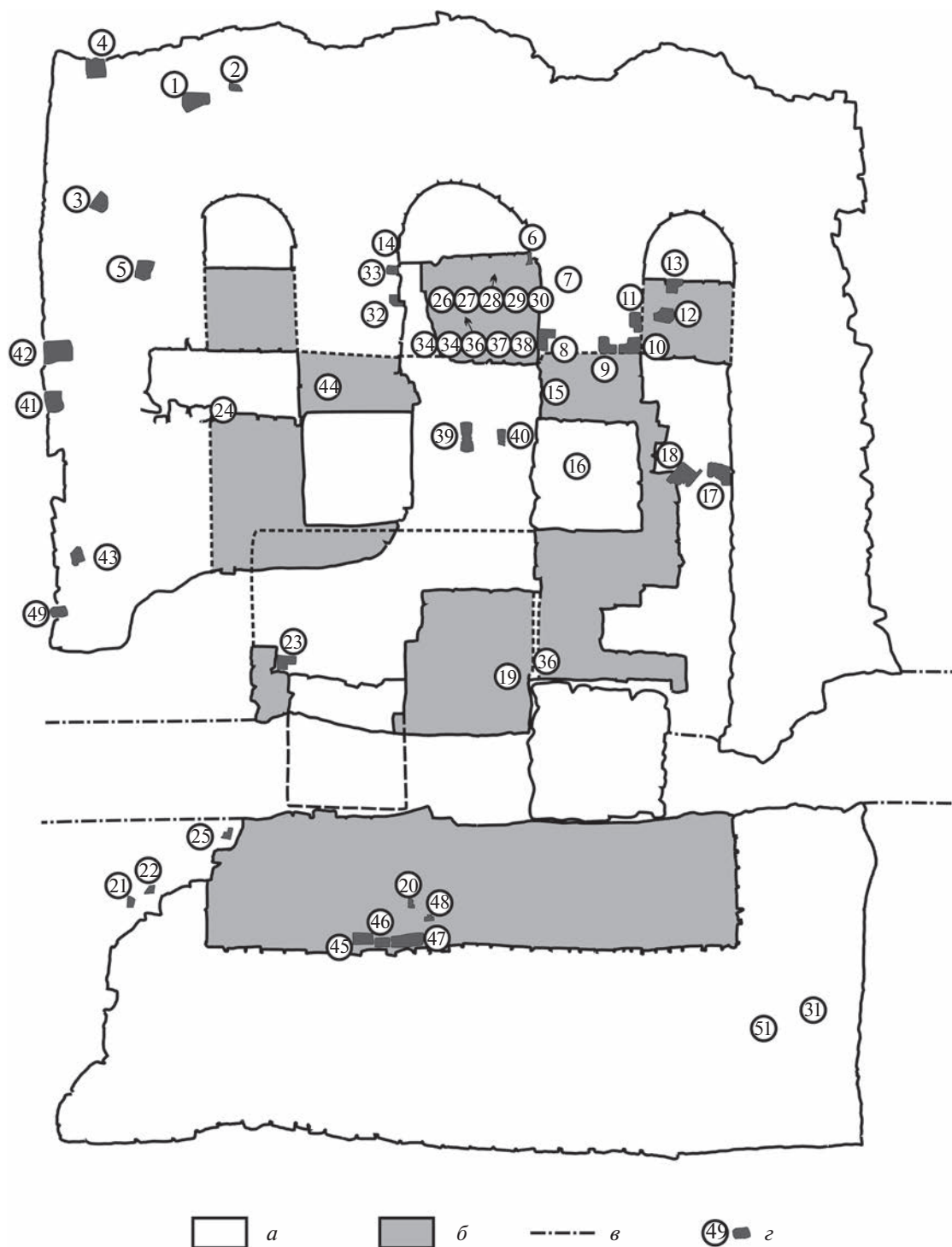

Рис. 5. Схематический план с указанием точек находки профилированных и резных деталей. Условные обозначения: а — контуры сохранившихся исходных стен и столбов храма; б — площади поздних забутовок; в — границы строительной траншеи (внедрение 2005 г.); г — порядковый номер и контур блока на месте обнаружения (согласно отчетному чертежу и полевой ведомости).

Fig. 5. Schematic plan indicating the locations of finding profiled and carved fragments

обожжены или закопчены; отчетливые следы огня есть также на кирпиче и фрагментах фресок. На многих блоках остались следы покраски и побелки.

Профилированные белокаменные блоки. Разнообразие обнаруженных резных и профилированных белокаменных деталей не позволило четко ответить на вопрос: к скольким зданиям они от-

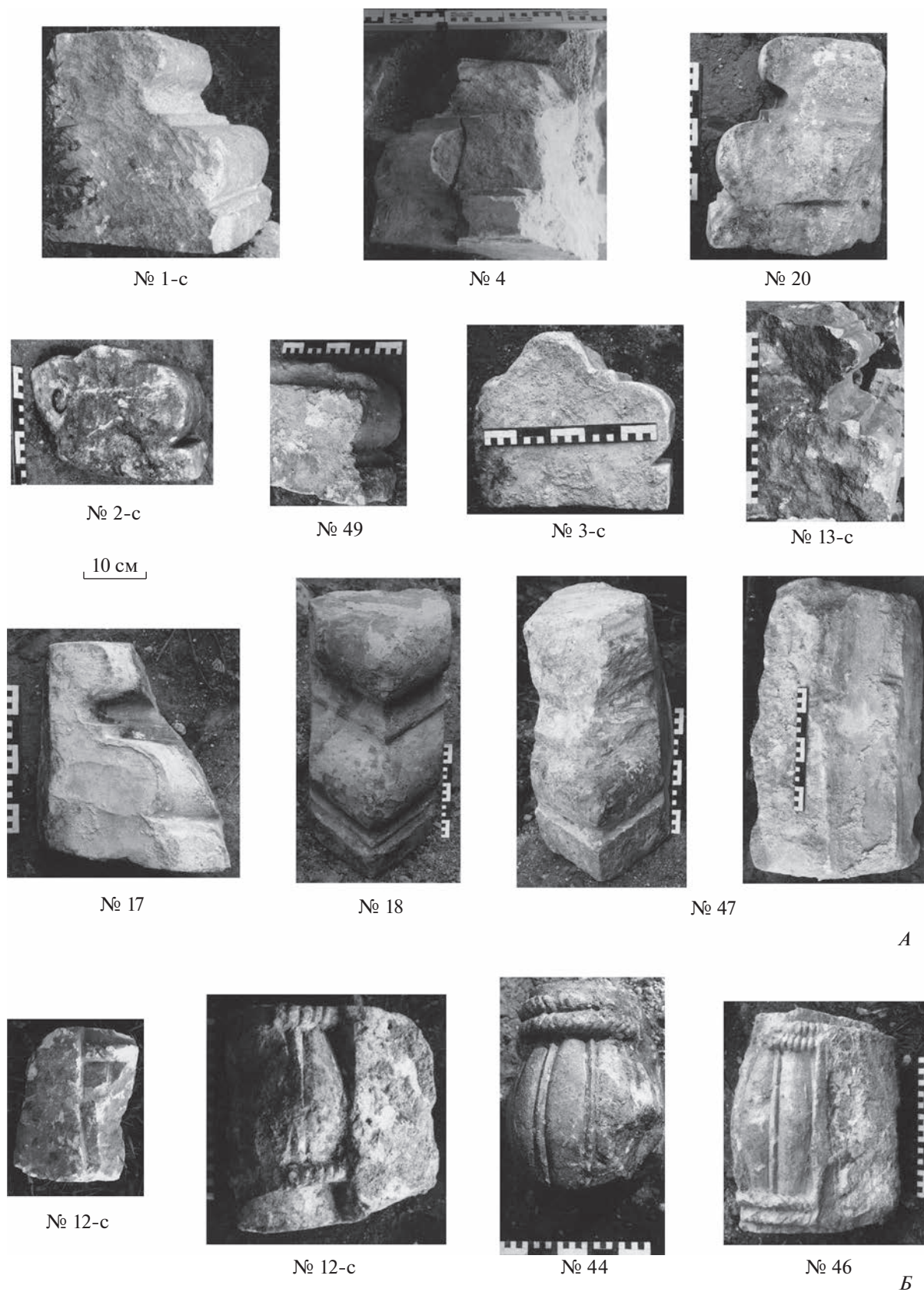

Рис. 6. Фотографии профилированных и резных деталей. А — базы; Б — бусины киевских и порталов; В — капители; Г — блоки, валики; Д — киль портала.

Fig. 6. Photographs of profiled and carved fragments

№ 41

№ 45

№ 51

10 см

№ 42

№ 6

№ 39

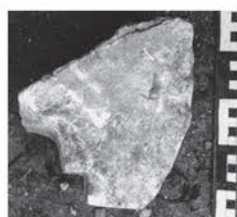

№ 40

В

№ 5

№ 11-с

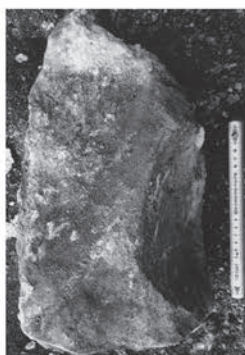
№ 48

№ 14-с

№ 27

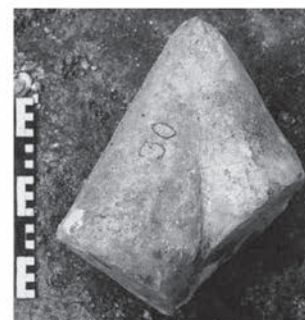

№ 31

№ 10

Г

№ 30

Д

Рис. 6. Окончание.
Fig. 6. End

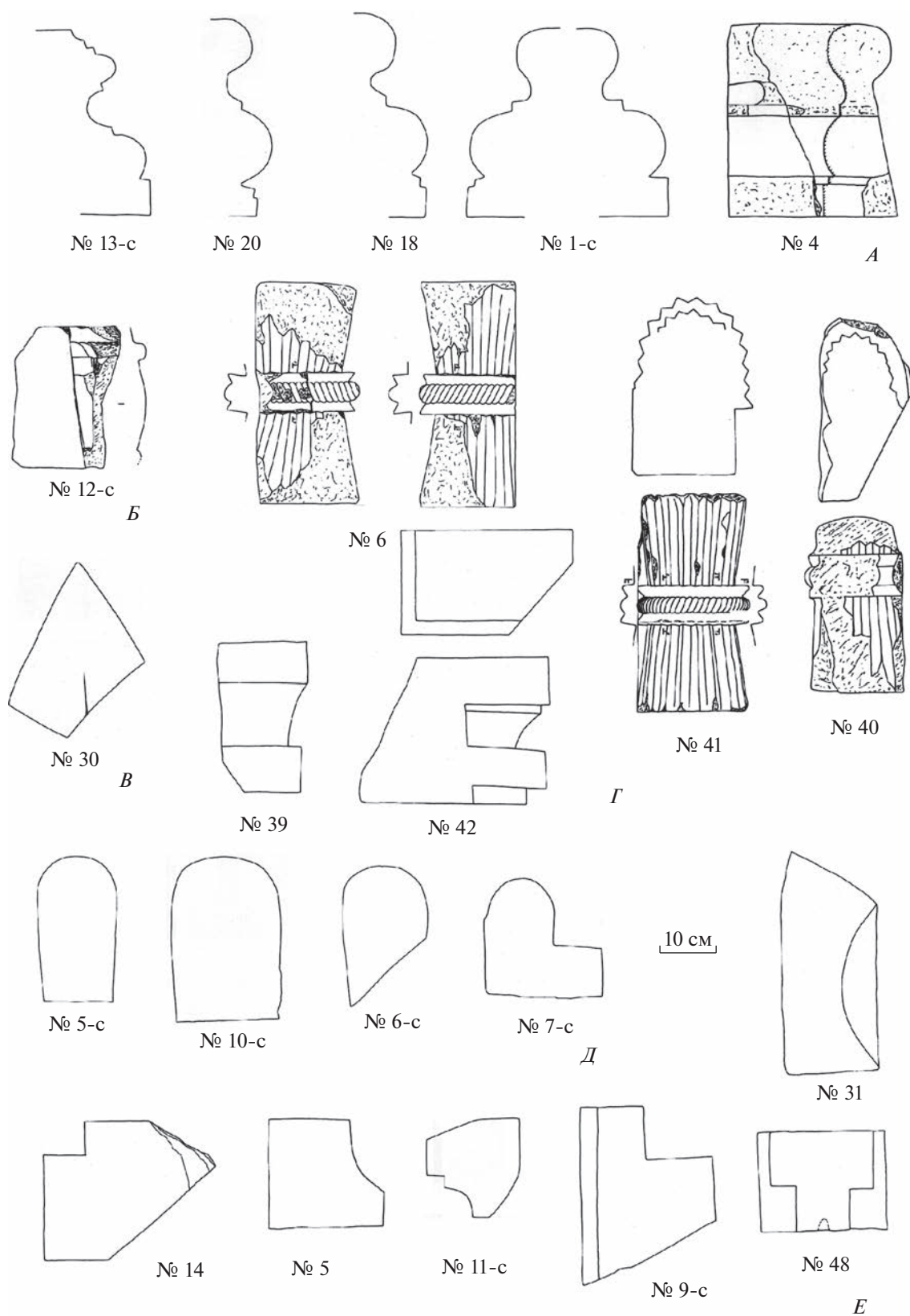

Рис. 7. Прорисовка профилированных и резных деталей. *А* — базы; *Б* — бусины киотов; *В* — киль портала; *Г* — капители; *Д* — валы; *Е* — блоки.

Fig. 7. Drawing of profiled and carved fragments

носятся. Из этих камней сложена не только большая часть ремонтных кладок, но и коренной фундамент, т.е. в кладках XIX в. оказались *сполии*, использованные, по меньшей мере, в третий раз. Типологически их можно разнести, как минимум, по двум разным строительным эпохам: камни из постройки конца XV в., сгоревшей в 1521 г.; детали, выломанные при ремонтах из существовавшего здания (XVI в.). Часть обнаруженных деталей даже не привязана строго к месту, они взяты из отвалов. На многих следы раствора обоих типов, XVI и XIX в.: большая часть деталей из забутовок XIX в. до этого лежала в кладках XVI в., ее выломали во время подводки фундаментов и других перестроек в подклете. Некоторые детали, вероятно, выломаны во время ремонта 1840-х годов из цоколя еще существовавшего здания, это блоки одного из типов цоколя, они несут тоновые покраски и следы многолетнего выветривания камня (№ 47, 13-с).

В целом ассортимент профилированных деталей довольно широк и характерен для XV–XVI вв. Он включает (1) камни цоколя (вариации на тему аттической базы); (2) капители пилястр или порталов с выкружкой и полкой; (3) детали порталов (сноповидные блоки, бусины, части киотов). Больше всего простых тесаных блоков с выбранной четвертью и выкружкой, а также частей портала, особенно валиков. Некоторые сохранили следы покраски и побелки (вал архивольта с выбранной четвертью, киль портала).

Цокольные блоки с профилем аттической базы включают угловые камни. Почти все профили однотипны, различаются наличием или отсутствием полочки в нижней части и формой выкружки. Все эти блоки вторичного использования и, видимо, очень ранние. Большинство сохранило следы раствора или покраски (№ 4, 17, 18, 47, 49, 1-с, 3-с).

Капители типологически гораздо разнообразнее. Две из них с выкружкой и полкой (“раннемосковские”); две — с выкружкой и двумя полками; три — более поздние сноповидные (одна прямоугольного сечения и две круглого). Сноповидные капители уверенно датируются временем после 1480-х годов, самый ранний пример для них — церковь Ризположения 1484–1486 гг. в Московском Кремле. Все капители — со следами покраски или побелки.

Характерны бусины от колонок порталов и киотов (последние в плане Г-образны); их найдено четыре, все они были в употреблении, сохранив следы покраски или побелки. В забутовке западного нефа найдена деталь карниза апсиды или барабана: полукруглый в плане городчатый блок с коническим пазом (аналогичный блок был обнаружен в отвале). Наконец, в забутовке юго-западного угла подклета найден блок с конической ар-

кой — часть перемишки оконного проема, с остатками известкового раствора.

Если попробовать сгруппировать хронологические группы, то окажется, что в кладке подклета и в поздних забутовках использованы ранние детали: три сноповидные капители (№ 6, 39 и 40); две капители с выкружкой и полкой “раннемосковского” типа (№ 41 и 45); бусины порталов и киота (№ 44, 46 и 50); городчатый блок из карниза апсиды или барабана (№ 48), часть перемишки оконного проема (№ 31). Из этих деталей часть относится к концу XV в. К этому времени предположительно можно отнести капители с выкружкой и полкой, блоки цоколя более архаичного типа (без дополнительной полочки над плинтом), городчатые блоки и один из типов бусин. Как и кирпич размерами 6–6.5 × 12–12.5 см, они могут быть от здания, сгоревшего во время пожара монастыря 1521 г., но при этом стоявшего не на месте подклета. Сочетание белого камня с кирпичом характерно для строительства конца XV в. Неизвестное разрушенное здание также могло, теоретически, иметь не одного предшественника, а нескольких. Вторую группу деталей — блоки цоколя с дополнительной полочкой над плинтом, один из типов бусин и сноповидные капители — предположительно можно связать со зданием собора XVI в., разобранным в 1930-х годах.

Окружающий культурный слой. Изучение культурного слоя, окружавшего подклет, а также включенных в него погребений в могильных ямах дают возможность судить о хронологии, но установить точную абсолютную дату сооружения не позволяют. Они подробно проанализированы (Чернов и др., 2008), и данные о них повторяем здесь вкратце, поскольку они связаны с историей сооружения.

В пятне, раскрытом в 2004 г., обнаружен, в первых, культурный слой древнерусского поселения XI–XIII вв. (установлено по находкам фрагментов керамики), залегающий на юрских глинах. Поселение стояло на краю первой надпойменной террасы р. Москвы, при впадении в нее ручья. Возможно, с ним связано единичное погребение XII–XIII вв., найденное на территории Николо-Угрешского монастыря в 1973 г. (комплекс в Музее истории Москвы, ОФ 24654). Это поселение, по-видимому, прервало существование в конце XIII в. Более поздние керамические материалы позже, вплоть до второй половины XV в., на участке не обнаружены.

Следующий период освоения участка связан с возникновением типичного христианского кладбища с могильными ямами. Оно появилось ранее, чем начали строить подклет, поскольку серия могил перекрывается слоем, отмечающим уровень строительства, и в их заполнении нет строительных остатков. Эти могилы сосредото-

ны в основном южнее подклета (отмечены в профиле на 2 м от южной стены), но есть и к востоку, и к северу от него. Одно из этих погребений дало *terminus post quem* — монету великого князя Василия Васильевича (1425–1449 гг.). 1449 г. — не только самая нижняя возможная дата погребения, но и нижняя дата для каменного собора: он, несомненно, возведен после этого года.

Обращает на себя внимание планировка: могилы следуют четкими рядами, довольно тесно друг к другу (один из признаков монастырского некрополя; второй признак — наличие у некоторых погребенных кирпичных подушек). Отметим, что в подклете могильные ямы не обнаружены — более древние могилы мог уничтожить сам подклет, а во время его существования здесь не хоронили. После возведения изучаемого храма некрополь продолжал развиваться, охватив прилегающий участок со всех сторон; при этом старые могилы сохраняли непо потревоженными. Новые ямы (их отмечено 29) прорезают ленту раствора и отесков, которые попали и в их заполнение. Керамика зафиксирована в пяти из этих могил, и, хотя ее не много, сочетание белоглиняной грубой, красноглиняной гладкой, мореной и чернолощеной посуды указывает на вторую четверть—вторую половину XVI в. Керамические фрагменты из культурного слоя (в целом до сотни) дали очень привычную для XVI в. картину, хотя в их составе довольно много типичных для XV в. краснолощеных сосудов.

Таким образом, археология позволяет датировать существование монастыря и его кладбища в XV–XVI вв., но не дает возможности ни установить узкую абсолютную дату постройки белокаменного подклета (видимо, следует говорить о времени не ранее рубежа XV–XVI в., а скорее — просто о XVI в.), ни, тем более, датировать сооружение, части которого пошли в забутровку подклета. Даты всех этих зданий приходится уточнять по аналогам тесаного камня из кладок и (что очень привычно для истории русской архитектуры) с привлечением имеющихся письменных данных, тем самым допуская значительный элемент случайности.

По мнению М.В. Фролова и Г.С. Евдокимова, храм, предшествовавший разобранному в начале 1930-х годов сооружению XVI в., был построен в конце XV в. и сгорел в 1521 г. Его резной белый камень, обломки кирпича, фрагменты фресок, сохранившие следы пожара и остатки первоначального известкового раствора, использовали при возведении подклета нового Никольского собора. Его поставили на месте прежде существовавшего кладбища в 1520–1530-х годах. В этом авторы следовали за выводами недавно вышедшей тогда статьи (Седов, 1992). Построенный собор

неоднократно ремонтировали в середине XVII — середине XIX в.

Так или иначе сложилась судьба собора и его предшественников, но можно быть уверенным в том, что в монастыре в конце XV в. существовал погибший при пожаре каменный храм, части которого попали в основание исследованного собора. Вероятнее всего, храмы стояли на разных местах (возможность постановки собора на новом месте в последние десятилетия неоднократно продемонстрирована археологически). Верхней датой для открытого нами храма могут служить погребения прилегающего кладбища: они пробируют уровень строительства и содержат материал XVI в. Уверенно датировать постройку собора внутри этого столетия на основании имеющихся материалов затруднительно (дальнейшее обсуждение вопроса о храме см. Баталов, 2023).

Статья написана в рамках темы НИОКТР № 122011200385-1 (“Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов А.Л. Воскресенский собор Горицкого монастыря — проблемы датировки и интерпретация архитектурных форм // Вестник сектора древнерусского искусства. 2019. № 1. С. 120–132.
- Баталов А.Л. Храм святителя Николая в селе Черленково в истории храмоостроительства в Волоцком уезде XVI в.: верификация версий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 170–179.
- Баталов А.Л. Церковь священномученика Антипы Пергамского и ее место в периодизации строительства храмов с крещатым сводом // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021. № 1. С. 141–163.
- Баталов А.Л. Церковь Никиты Мученика на Швивой горке: история памятника по материалам реставрации 1950-х годов // Российская археология. 2022. № 3. С. 122–135.
- Баталов А.Л. Никольский собор Николо-Угрешского монастыря по графическим и письменным источникам // Российская археология. 2023. № 1.
- Беляев Л.А. Собор и кладбище. Высоко-Петровский монастырь (Москва): находки, утраты, методические ошибки 2010-х гг. Часть первая // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021а. № 1. С. 74–93.
- Беляев Л.А. Собор и кладбище. Высоко-Петровский монастырь (Москва): находки, утраты, методические ошибки 2010-х гг. Часть вторая // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021б. № 2. С. 101–115.
- Беляев Л.А., Григорян С.Б., Фролов В.С., Шуляев С.Г. Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация // Архитектурная археология. 2020. Вып. 2. С. 204–214.

Беляев Л.А., Елкина И.И. Открытие каменной трапезной XVI века в Зачатьевском Алексеевском монастыре // Образ христианского храма: к 60-летию А.Л. Баталова / Сост. Л.А. Беляев, Вл.В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 416–452.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

Седов Вл.В. О дате собора Николо-Угрешского монастыря // Архив архитектуры. Вып. 1. М., 1992. С. 38–45.

Тудоси Л.Г. Первый храм-памятник // Памятники Отечества. 1980. № 1. С. 95.

Усачев А.С. Происхождение списка Апостола 1570 г. и руководители Русской Церкви XVI в. [Электрон-

ный ресурс] // История. 2022. Т. 13, вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022649-2-1/> (дата обращения: 17.11.2022).

Фролов М.В., Беляев Л.А., Гончарова Н.Н., Евдокимов Г.Г., Лебедева Е.Ю., Чернов С.З. Раскопки фундаментов Никольского собора Николо-Угрешского монастыря // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 240–242.

Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Лебедева Е.Ю. Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Л.А. Беляева / Ред. А.Л. Баталов, Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008. С. 152–205.

ARCHAEOLOGY OF THE 16th CENTURY CHURCH IN THE ST. NICHOLAS IN UGRESHA MONASTERY (works in 2004)

Mikhail V. Frolov^a, Leonid A. Belyaev^{a,#}, Georgy S. Evdokimov^{b,##}, Sergey Z. Chernov^{a,###}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^b Central Scientific and Restoration Design Workshops, Moscow, Russia

[#]E-mail: labeliav@bk.ru

^{##}E-mail: chernovsz@mail.ru

^{###}E-mail: gsevdokimov5@gmail.com

The article publishes materials from excavations of one of the stone churches lost in the 1930s–1940s in the monastery of St. Nicholas “in Ugresha” in the Moscow vicinity. In 2004, the remains of its basement masonry were cleared, which contained a large amount of *spolia* from an earlier church of the 15th – first half of the 16th century. A part of the monastery cemetery of the 14th–15th centuries was investigated, the site stratigraphy was established. The paper presents a complete plan and cross-sections of the structure, as well as all the limestone fragments found there. The article accompanies the research of A.L. Batalov, which focuses on the history of the church after written and visual sources, published in the same issue.

Keywords: Moscow state, history of Russian architecture, monastic archaeology.

REFERENCES

- Batalov A.L., 2019. The Resurrection Cathedral of the Goritsy Monastery: dating and interpretation of architectural forms. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Russian Medieval Art Department]*, 1, pp. 120–132. (In Russ.)
- Batalov A.L., 2020. The church of St. Nicholas in the village of Cherlenkovo in the church construction history of Volok uyezd (district) of the 16th century AD: Verification of versions. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Rus. Issues of medieval studies]*, 3 (81), pp. 170–179. (In Russ.)
- Batalov A.L., 2021. The church of St. Hieromartyr Antipas of Pergamon and its place in the periodization of the construction of churches with a groin vault. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Russian Medieval Art Department]*, 1, pp. 141–163. (In Russ.)
- Batalov A.L., 2022. Church of St. Nicetas the Martyr on Shvivya Gorka: the history of the site based on the restoration materials of the 1950s. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 122–135. (In Russ.)
- Batalov A.L., 2023. The cathedral of the St. Nikolas in Ugresha Monastery based on graphic and written sources. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2021a. Catholicon and cemetery. Vysokopetrovsky Monastery (Moscow): Finds, losses, methodological errors of the 2010s. Part one. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Russian Medieval Art Department]*, 1, pp. 74–93. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2021b. Catholicon and cemetery. Vysokopetrovsky Monastery (Moscow): Finds, losses, methodological errors of the 2010s. Part two. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Russian Medieval Art Department]*, 2, pp. 101–115. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Elkina I.I., 2015. The uncovered 16th century AD stone refectory in the Conception St. Alexius Convent. *Obraz khristianskogo khrama: k 60-letiyu A.L. Batalova [Image of a Christian church: to the 60th anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyaev, V.I.V. Sedov, eds. Moscow: Artkitchen, pp. 416–452. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Grigoryan S.B., Frolov V.S., Shulyaev S.G., 2020. Supplementary structures in the foundations of

- the Smolensk Cathedral of the 16th century AD in the Novodevichy Convent. Preliminary publication. *Arkhitekturnaya arkheologiya [Architectural archaeology]*, 2, pp. 204–214. (In Russ.)
- Chernov S.Z., Goncharova N.N., Lebedeva E.Yu., 2008. Necropolis of the St. Nicholas in Ugresha Monastery based on evidence from the archaeological excavations in The St. Nicholas Cathedral in 2004. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury: k 60-letiyu L.A. Belyaeva [Moscow Rus. Issues of archaeology and history of architecture: to the 60th anniversary of L.A. Belyaev]*. A.L. Batalov, N.A. Krenke, eds. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 152–205. (In Russ.)
- Frolov M.V., Belyaev L.A., Goncharova N.N., Evdokimov G.G., Lebedeva E.Yu., Chernov S.Z., 2005. Excavations of the foundations of the Cathedral in the St. Nicholas in Ugresha Monastery. *Arkheologicheskie otkrytiya 2004 goda [Archaeological discoveries of 2004]*. Moscow, pp. 240–242. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikov, Piskarev, Moscow and Belsk chroniclers]. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.
- Sedov V.V., 1992. On the date of the Cathedral in the St. Nicholas in Ugresha Monastery. *Arkhiv arkhitektury [Archive of architecture]*, 1. Moscow, pp. 38–45. (In Russ.)
- Tudosi L.G., 1980. The first memorial church. *Pamyatniki Otechestva [Monuments of the Fatherland]*, 1, p. 95. (In Russ.)
- Usachev A.S., 2022. The origin of the Book of Apostles (1570) and the leaders of the Russian Church in the 16th century AD (Electronic resource). *Istoriya [History]*, vol. 13, iss. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022649-2-1/>. (In Russ.)